

Автор сценария
Глеб АНИЩЕНКО

БЕЛАЯ ТРАГЕДИЯ
Сценарий художественного фильма
10 серий

ПРОЛОГ

СЦЕНА 1. МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. 2017-й год.

Из Иверской часовни выходят ВИКТОР АРХАНГЕЛЬСКИЙ (за 70-т лет), его внуки ФЁДОР (17 лет) и АННА (16 лет). Через Воскресенские ворота идут на Красную площадь.

Иверская часовня и Воскресенские ворота.

ФЁДОР. *Красиво, конечно... Нет, не так... Красиво – это в храмах. А здесь, у Иверской, тесно, как будто в маленькую комнатку зашёл... к Богородице. И Она, и все святые, будто смотрят прямо в тебя. Удивительное ощущение...*

ВИКТОР.

*А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, —
Там Иверское сердце
Червонное горит.
И льется аллилуйя
На смуглые поля.
Я в грудь тебя целую,
Московская земля!..*

Представьте себе, что я в вашем возрасте, да и много позже, ничего этого не видел... Не мог видеть... Ни Иверской, ни Воскресенских ворот...

(Указывает на храм.)

ни Казанского собора...

АННА. *А куда ж они все подевались?*

ВИКТОР. *Разрушили в тридцатые годы.*

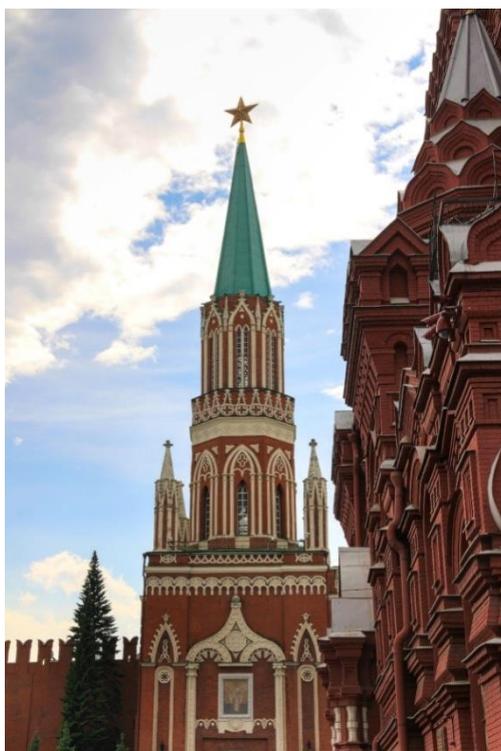
АННА. *Что же тогда здесь было?*

ВИКТОР. *Да ничего не было. Пустое место, проход на Красную площадь. А там, где Казанский храм, – общественный туалет.*

ФЁДОР. *Ужас!*

ВИКТОР. *Восстанавливал этот храм, между прочим, мой дядя протоиерей Аркадий Станько. Он здесь был настоятелем. И тебя он крестил, Федя, но, ты-то, конечно, не помнишь его... А разрушать тут всё стали с самого начала революции. Давайте подойдём вон туда.*

Подходят к Никольской башне. Виктор указывает на надвратный образ Николая Чудотворца.

Никольская башня Московского кремля.

ВИКТОР. Эту икону называют Никола разстрелянный или Никола раненый. Когда-то с ней не смог совладать сам Наполеон. Через век за дело взялись большевики. В октябре 17-го палили из винтовок, пулемётов, тяжёлых орудий: отстрелили левую руку святителя, вокруг головы и плеч был сплошной узор пулевых ран. Но сам лик почти не пострадал. Потом икону замуровали и нашли только сейчас, в начале этого десятилетия... Правда, странно всё у нас происходит... Вон, смотрите, над Николой висит символ тех, кто его разстрелял – красная звезда. И туалеты на месте Никольских часовен остались...

Идут к мавзолею Ленина.

АННА. А по-твоему, и звезду снять надо, и Ленина из мавзолея выкинуть?!

ФЁДОР. И туалеты убрать...

АННА. Отстань!

(Виктору.)

Но это ведь тоже наша история...

ВИКТОР. История, она разная. Бывает и история злодейства.

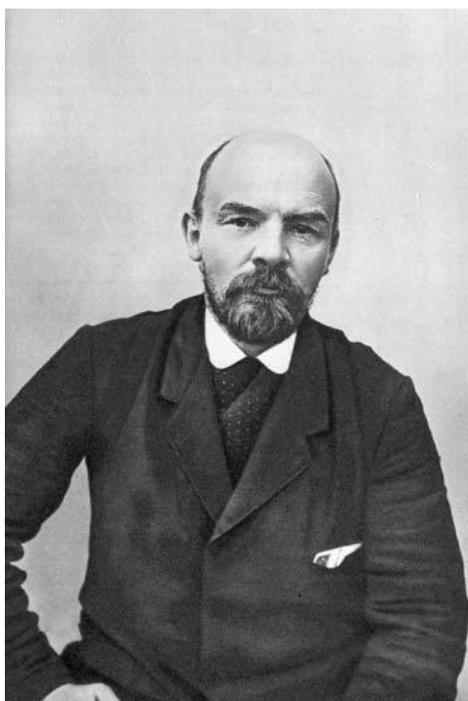
АННА. Теперь модно всё валить на Ленина. Он за немецкие деньги Россию продал, и Гражданскую войну развязал, и людей голодом морил. Прямо можно подумать, Ленин у детей и старушек хлеб воровал.

ВИКТОР. Воровать, конечно, не воровал. От этого не легче: люди повально умирали от голода. Людоедство было. И в прямом, и переносном смысле слова. И про Гражданскую войну ты зря так скептически говоришь...

АННА. Ну, хватит, пойдём лучше есть мороженое.

СЦЕНА 2. ВОКЗАЛ В НОВОМ ТАРГЕ, АВСТРО-ВЕНГРИЯ. Август 1914-го года.

По платформе около паровоза быстро, туда и сюда, расхаживает ВЛАДИМИР ЛЕНИН (за 40 лет). Поглаживает рыжую бородку, однообразно сжимает и разжимает губы. Подходит большевик КОНСТАНТИН МЛЕЧИН, партийный псевдоним АСТРОНОМ (около 30 лет, чуть похож на Ленина).

Вождь большевиков

Владимир Ильич ЛЕНИН (Ульянов) (1870 – 1924) .
Польша, август 1914 года.

АСТРОНОМ. Владимир Ильич, поезд отходит ровно через десять минут. Виктор Адлер телеграфировал, что никаких помех и задержек у вас не будет. Всё согласовано.

ЛЕНИН. Виктор Адлер... Противно пачкаться об это социалистическое дерьмо.

АСТРОНОМ. Да, но он – депутат парламента, и без него нам нельзя обойтись в чёртовой Австрии.

ЛЕНИН. С паршивой овцы хоть шерсти клок... Сволочи, псеодоинтернационалисты!.. Настоящий интернационализм пролетариата несовместим с защитой отечества! Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это – аксиома. А они орут про «войну до победного конца»!

АСТРОНОМ. Боятся обвинений в государственной измене.

Ленин берёт Астронома под руку, они идут вдоль платформы и обратно.

ЛЕНИН. Во время войны призыв к революции, несомненно и неоспоримо, означает государственную измену, содействие поражению своей страны. В применении к России данное положение особенно верно. Глупо это отрицать. И нечего этого бояться!

АСТРОНОМ. Вы не думаете, что такой подход отпугнёт от нас рабочие массы? Мне сообщают, что в России – патриотический угар.

ЛЕНИН. Плевать на массы! Мне нужен мощный большевицкий кулак, который будет бить, бить и бить в этот великодержавный идол. Мы создадим такой кулак!

АСТРОНОМ. Для того чтобы сплотить наших людей, нужна действенная, актуальная идея.

ЛЕНИН. Какая же, извольте спросить?

АСТРОНОМ. Трудно сказать... Ну... Может быть, перенесение войны с фронтов внешних на фронты внутренние.

ЛЕНИН. Как, как вы сказали, батенька?

АСТРОНОМ. Я имел в виду, что мы должны превратить войну **между** империалистами в войну **против** империалистов.

ЛЕНИН. Архивеликолепно! Превращение войны буржуазных правительств в войну революционную, гражданскую! Нанести во время войны удар по своему правительству!

АСТРОНОМ. Именно так, Владимир Ильич.

ЛЕНИН. *Превратить войну империалистическую в войну гражданскую!*
(Потирает руки.)

Срочно возвращайтесь в Россию, дорогой Астроном. Вам, в отличие от меня, путь туда не закрыт. Работайте, работайте и работайте в нужном для нас направлении. Донесите этот лозунг, зажгите им всех! Надо архиспешить!

АСТРОНОМ. *Хорошо, попробую пробраться в Россию.*

По платформе раскатывается звук звонка.

АСТРОНОМ (с улыбкой). *Теперь и вам, Владимир Ильич, надо спешить: второй звонок – поезд скоро отходит. До встречи!*

Прототип Константина Алексеевича МЛЕЧИНА (АСТРОНОМА) – революционер–большевик Константин Алексеевич МЯЧИН (1886 – 11936, разстрелян).
Один из множества партийных псевдонимов: Василий Васильевич ЯКОВЛЕВ.
Биография Мячина представляет собой длинную цепь авантурных и детективных историй, большинство из которых остаются загадочными до сих пор.

Ленин, погружённый в свои мысли, не подавая руки Астроному, вскакивает на ступеньки вагона и на минуту замирает там.

ЛЕНИН (лицо ожесточается, делается сосредоточенным, он бормочет). *Превратить войну империалистическую в войну Гражданскую!*

Астроном остаётся на платформе и задумчиво смотрит на звёздное небо, как бы считает звёзды.

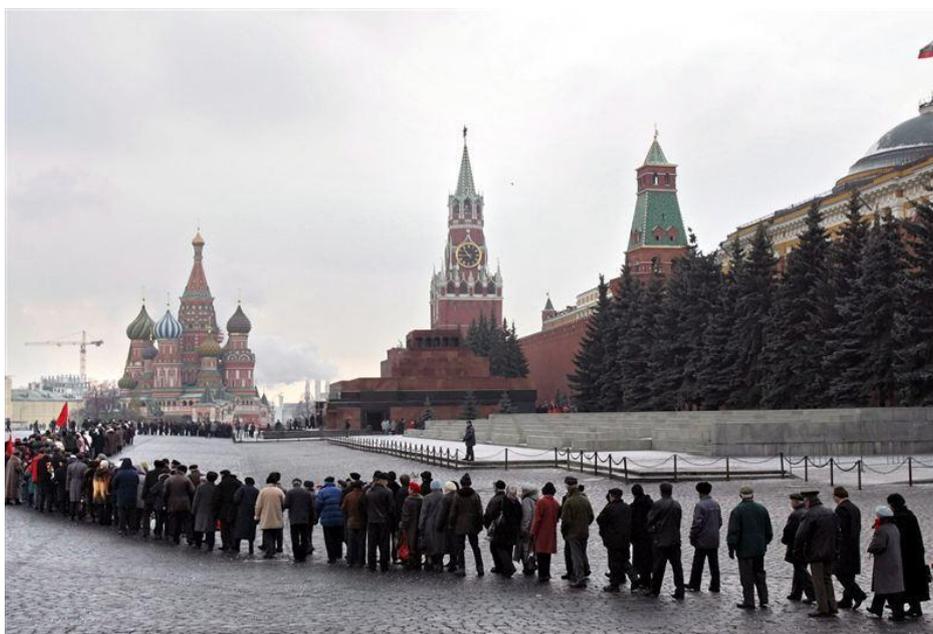
АСТРОНОМ (на лице появляется змеиная улыбка). *Прекрасно!..*

Идут кадры. Сначала – на заднем плане, фоном. Потом – вытесняют с экрана Ленина, Астронома, вокзал: типографский станок печатает листовки с крупным заголовком «Превратим войну империалистическую в войну Гражданскую!»; огромный красный плакат с тем же лозунгом; агитатор на фронте среди солдат провозглашает тот же лозунг; солдаты разрубает двуглавого орла; сцена психической атаки из фильма «Чапаев»; священник распростёр руки в виде креста, закрывая собой вход в алтарь, – матрос и рабочий с двух сторон закалывают его штыками.

СЦЕНА 3. МОСКВА. КАФЕ В ГУМЕ. 2017-й год.

За столиком в кафе сидят ВИКТОР, ФЁДОР и АННА. В окно видна Красная площадь. На ней – длинная очередь к памятнику Сталину у Кремлёвской стены. Некоторые несут его изображения, оформленные как «иконы».

Другая, ещё более длинная, тянется к мавзолею Ленина.

ВИКТОР (глядя в окно). *Дожили! Тот, который там лежит, религию называл «труположесвом», а к его трупу идут как к мощам. Антираелигия какая-то!*

ФЁДОР. *Не бери в голову, это всё – несерьёзно.*

ВИКТОР. *Очень даже серьёзно!*

АННА. *А если серьёзно, то всё большее количество людей задумывается: чем плохи идеалы коммунизма-социализма? Справедливое общество, справедливое распределение благ среди всех его членов. Разве это плохо? Особенно после того, как мы наелись олигархами, беспределом чиновников...*

ВИКТОР. *Ну да, многое плохо сейчас, но плохое можно исправить, если захотеть. Нельзя исправить глобальную катастрофу. Современные невзгоды все испытывают на себе, прошлые же катастрофы взрослые забывают, а молодежь не знает.*

ФЁДОР. *Так поделись тем, чего мы не знаем.*

ВИКТОР. *Прежде всего, коммунизм является самой радикальной богоборческой идеологией и силой в мировой истории. Это вовсе не справедливое распределение благ, а посягательство на три основы бытия: Бога, человеческую личность и веками создававшийся уклад жизни.*

АННА. *Ты прям лекцию нам читаешь.*

ВИКТОР (горячась). *Какая тут лекция!*

(Кивает на толпу перед мавзолеем.)

Это, к сожалению, и сегодняшняя наша жизнь.

ФЁДОР. *Дед, не обращай на неё внимания, продолжай. Лекции тоже иногда нужны.*

(Улыбается.)

Только не часто...

ВИКТОР (снова кивает мавзолеей). *Именно этот «великий вождь» учинил братоубийственную бойню, в которой погибли десятки миллионов русских людей. Причем лучших из всех слоев общества. Это – не просто убийство, это – уничтожение генофонда нации.*

АННА. *И что же, во всём один Ленин виноват?*

ВИКТОР. *Нет, дорогая, не один, конечно... Такое впечатление, что все духи зла обрушились тогда на Россию... Их выпустили, как джина из бутылки...*

**СЕРИЯ 1. ЯВЛЕНИЕ АСТРОНОМА
СЦЕНА 1. МОСКВА. БУТЫРСКИЙ ТЮРЕМНЫЙ ЗАМОК.**

25-е декабря¹ 1916-го года.

По вечерней зимней улице на сумасшедшей скорости несётся автомобиль, подъезжает к Бутыркам. Дается общий план тюрьмы. Везде зажигаются окна. На небе ярко сияют звёзды. Машина тормозит. Из неё выходят солдаты конвоя. За ними – АСТРОНОМ (худое лицо с более жёстким, чем во 2-й сцене, выражением; одет в длиннополый арестантский халат, на голове тюремная шапочка). Он останавливается, долго и внимательно рассматривает созвездия. Конвойные ждут. Наконец, 1-й КОНВОЙНЫЙ не выдерживает и толкает его прикладом в спину.

Бутырский тюремный замок.

1-й КОНВОЙНЫЙ. *Давай, пошёл, тоже мне, астроном!*

Узник оборачивается, смотрит на солдата. Под тяжестью его взгляда тот невольно отступает.

2-й КОНВОЙНЫЙ (первому). *А он и есть Астроном! Ты с ним поосторожней!*

Астроном спокойно и величественно направляется к крыльцу тюрьмы. Конвойные идут за ним, переговариваются между собой.

1-й КОНВОЙНЫЙ. *Почему это он Астроном? В сопроводительных документах значится: Константин Млечин, большевик.*

2-й КОНВОЙНЫЙ. *Астрономом его дружки прозвали.*

1-й КОНВОЙНЫЙ. *А за что?*

2-й КОНВОЙНЫЙ. *Когда звёзды с неба падали, он их взглядом останавливал.*

1-й КОНВОЙНЫЙ. *А зачем?*

2-й КОНВОЙНЫЙ. *Кто его знает?..*

1-й КОНВОЙНЫЙ. *Иди ты!... Важная птица!*

Все входят в здание тюрьмы.

¹ Все даты даются по старому стилю.

СЦЕНА 2. МОСКВА. ГОСТИНАЯ В КВАРТИРЕ СВЯЩЕННИКА ПЕТРА АРХАНГЕЛЬСКОГО НА МЯСНИЦКОЙ УЛИЦЕ.

Тот же вечер 25-го декабря 1916-го года, Рождество Христово.

Праздничный вечер в квартире московского священника ПЕТРА ЕГОРОВИЧА АРХАНГЕЛЬСКОГО (за 40 лет). В гостиной собралось много народа.

Дети отца Петра: АННА (20 лет), слушательница Московских высших женских курсов; ФЁДОР (19 лет), студент Московского университета; гимназисты ВАРВАРА (18 лет) и ПАВЛИК (13 лет).

НЕСТОР, ЕПИСКОП КАМЧАТСКИЙ (за 30 лет; на подряснике наперсный крест на Георгиевской ленте, ордена св. Владимира III степени с мечами, св. Анны II и III степеней с мечами) – друг отца Петра.

КОНСТАНТИН СОКОЛОВ (26 лет) – ротмистр Сумского гусарского полка, друг старшего сына отца Петра – Глеба, командир эскадрона, в котором оба служат (выглядит красавцем; два Георгиевских креста на мундире).

Среди гостей – священники, матушки, их дети. Гостиная перегорожена: в одной части стулья – это зрительный зал, в другой – импровизированная сцена, венчаемая эркером. В нём возвышается ёлка, горят фонарики, тускло мерцают старинные ватные игрушки. В тёмном небе за окном кружатся снежинки. На небольшом столе помещается вертеп – самодельная коробка. Внутри – икона Рождества, рядом – маленькие ясли. В процессе исполнения колядки вертеп наполняется героями: Вифлеемская звезда, ангелы, пастыри (пастух и пастушонок), животные (собака, корова, телёнок, овца). Начало – в полной темноте. Около вертепа появляются поочередно герои, они подсвечиваются фонариками. Из темноты раздаются детские голоса.

ДЕТСКИЕ ГОЛОСА.

*Христос Спаситель в полночь родился,
В вертепе бедном Он поселился,
Над тем вертепом звезда сияет.
Христос родился! – всем возвещает.*

В темноте поднимается на палочке самодельная Звезда, высвечивается лицо Варвары. Она водит над вертепом Звездой, подсвеченной фонарём.

ДЕТСКИЕ ГОЛОСА.

*И свод небесный вдруг растворился,
В вертене тёмном свет появился,
И хоры Ангел в небе витали,
И песнью дивной весь мир оглашали.*

Камера уходит к окну, через окно наружу. Пение в гостиной становится тише. За окном – вьюга, шум которой возрастает, но сквозь него постепенно всё громче слышится песня:

*Вихри враждебные веют над нами,
Тёмные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас ещё судьбы безвестные ждут.*

Камера вновь переносится в гостиную.

ДЕТСКИЕ ГОЛОСА.

*Христос Владыко, в Твой день рожденья,
Подай нам, темным, дар просвещенья,
Для мира свет Ты, людей отрада,
Спаси нас, грешных, от власти ада.*

Высоко поднимается Вифлеемская звезда, а вместе с этим зажигаются все светильники и люстры в столовой, мы видим всех, кто сидит в зрительном зале.

ЕПИСКОП НЕСТОР. *Ну, Варенька, порадовала, нечего сказать, да и чада аки ангелы небесные. Помолимся же, мои дорогие, Господу нашему, ныне рожденному, и Пречистой Матери, Его рождшей!*

СЦЕНА 3. КАБИНЕТ И КВАРТИРА НАЧАЛЬНИКА БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ.
Начальник тюрьмы УСАЧЁВ заканчивает телефонный разговор с женой АВРОРОЙ.

УСАЧЁВ (по телефону). *Значит, Аврора, договорились – ложись без меня! Мне совершенно необходимо задержаться на службе.*

Камера переносится в квартиру начальника Бутырской тюрьмы – дорого, но со вкусом обставленную. АВРОРА в ночной рубашке смотрит в окно.

АВРОРА (по телефону). *Хорошо, но знай – я очень недовольна. Хоть на Рождество мог бы вернуться пораньше.*

Аврора кладёт трубку и поворачивается к служанке СОНЕ.

АВРОРА. *Соня, постелите Петру Сергеевичу на диване в гостиной.*

Соня молчаливо кивает. Аврора распахивает окно и вглядывается в ночное небо. Поворачивается, берёт книжку и нараспев читает:

*Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколите весёлое поле
На месте тронного зала.
Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме, –
Вы во всем неповинны, как дети!*

Страшно, но красиво!

Соня крестится.

СЦЕНА 4. СТОЛОВАЯ В КВАРТИРЕ ОТЦА ПЕТРА.

Гости и хозяйка разсаживаются за большим овальным столом под низким оранжевым абажуром с бахромой. Все сидящие оказываются в световом круге, всё остальное пространство погружено во тьму. Создаётся ощущение Ковчега, который плывёт среди тёмных вод вселенского потопа. Горничная и бывшая няня детей АГАФЬЯ (за 40 лет) – грузная, но ловкая женщина – выносит блюдо с пирогами.

Епископ Камчатский НЕСТОР (Анисимов, 1865 – 1962).

В сценарии сюжетная линия владыки Нестора основана на его реальной биографии.

ОТЕЦ ПЁТР. Владыка Нестор, благословите начать трапезу.

ЕПИСКОП НЕСТОР. Христе Боже, благослови ястие и питие рабом Твоим, яко Свят еси, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ОТЕЦ ПЁТР. Ну а теперь, гости дорогие, вкусите, что Господь послал. Тут прямо расстаралась начальница наша и душеприказчица Агафья Лукинична.

АГАФЬЯ (ворчливо бубнит себе под нос). Пирог, вишь, испеки, – из чаво? Из ничаво! Муки еле наскребла, да качан капуста прошлогодней у Матвевны выпросила.

ОТЕЦ ПЁТР. Война, матушка, понятно... Съестного-то, говорят, хватает, но в города не везут... Да и цены нарочно взвинчивают... Ну ладно тебе, не ругайся, Агафьюшка, а лучшие принеси свою наливочку вишнёвую да черносливовую...

(Агафья выходит и возвращается с подносом, на котором стоят графинчики.)

На Рождество Христово и закон сухой не грех нарушить.

АГАФЬЯ (ставя на стол поднос). С праздником!

(Хочет уходить.)

ВАРВАРА. Няня, останься, поспрайдуй с нами.

АГАФЬЯ. Рожей не вышла. Куда мне в лаптях да в калаиный ряд.

ВАРВАРА и ПАВЛИК (обнимают её). Ну няня, нянюшка! Ну пожалуйста.

Усаживают её за общий стол. Взрослые выпивают по рюмке настойки, дети – бокалы с морсом. Через какое-то время епископ Нестор обращается к отцу Петру.

ЕПИСКОП НЕСТОР. Вот, как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Думал-то Рождество со своими камчадалами отмечать в Петропавловске... А тут, как рукоположили меня во епископа Камчатского, так и затребовали сразу в Святейший Синод. Писанина там всякая...

ОТЕЦ ПЁТР. Слава Богу, владыка, что к нам в Москву заглянули.

ЕПИСКОП НЕСТОР. Тоже – по надобности. Ведь Поместный Собор скоро: дела были кое-какие. Зато с вами, дорогие мои, довелось, наконец, свидеться. Господь счастье послал!

Сколько мы, отец Пётр, не встречались? Чай, с самого 14-го года? Тогда война эта только начиналась, а теперь вот, гляди, и закончится скоро, победоносно...

СОКОЛОВ (отважившись заговорить). Простите, владыка, дай Бог, чтобы вышло по-вашему. Но как-то не верится... Я только с фронта: скверные там дела. Движения вперёд нет. Солдаты воевать не хотят... Плохо дело!

Возможный вариант внешности Константина СОКОЛОВА.

Фотографию реального штабс-ротмистра Константина Соколова, участвовавшего в попытке вызволения Государя из тобольского заключения, мне найти не удалось.

На фото: гусарский штабс-ротмистр Константин Николаевич Шугаревич (1894 – 1962) .

ЕПИСКОП НЕСТОР. Вы, ротмистр, видно, не знаете ещё по-настоящему, что такое «плохо дело». Вот мы с отцом Петром в последний раз встречались в Восточной Пруссии, под Каушеном. Там-то действительно было «плохо дело». Немцы палят из гаубиц – ад, прости Господи, устроили. А мы?

*С поднятой шашкой летит командир,
И мчатся солдаты все строем за ним,
На бой на кровавый, на радостный пир!..*

Это только в песне хорошо. Одних моих лейб-драгун на том «радостном пиру» сколько положили... А сейчас у нас пушки есть, снаряды есть!.. А главное – с Крестом Христовым победим!

ОТЕЦ ПЁТР. Помнится, владыка, вы с одним крестом и в атаку ходили.

ЕПИСКОП НЕСТОР. Да, было... Впереди драгун скакал под страшным огнем. И что вы думаете? Даже ни разу не царапнуло! И выбили мы германцев! И свет увидели! И теперь увидим! Благослови вас всех Господь!

ОТЕЦ ПЁТР. Свет... А мне последнее время всё больше тьма представляется... Крест – ведь не только спасение, но и страдание... В годину великих испытаний довелось нам с вами жить. Сбываются пророчества великих старцев, наступает для России миг, когда решается её судьба – погибнуть нашей отчизне или возродиться. «Дьявол уже без маски вышел в мир и уже перестал чиниться с людьми», – как ещё в прошлом веке увидел это Гоголь...

За столом повисает пауза.

СЦЕНА 5. ПРИЁМНИК БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ.

АСТРОНОМ стоит перед столом, на котором разложены его вещи и бумаги. За столом сидят начальник тюрьмы УСАЧЁВ и унтер-офицер ЗВЕРЕВ.

ЗВЕРЕВ (просматривая дело). *Он бежал уже четыре раза!*

УСАЧЁВ. *У нас не убежит.*

ЗВЕРЕВ (заинтересовавшись бумагами). *Так, а это что такое? Ваше благородие, взгляните!*

Усачёв листает бумаги, морщится, откладывает.

УСАЧЁВ. *Обычный дневник. Дома почитаю.*

СЦЕНА 6. КВАРТИРА ОТЦА ПЕТРА.

ВАРВАРА (внезапно обращается к епископу Нестору). *Владыка, а благословите потанцевать?!*

ЕПИСКОП НЕСТОР. *День-то праздничный, светлый – танцуйте, танцоры.*

Все переходят в гостиную. За фортепиано садится АСЯ, подруга Варвары, играет вальс и поёт. Начинаются танцы. СОКОЛОВ подходит к АННЕ делает короткий поклон и протягивает правую руку.

СОКОЛОВ. *Аня, пойдём потанцуем.*

АННА (не встаёт и отвечает подчёркнуто холодно). *У меня нет настроения.*

СОКОЛОВ. *Что за тон? В чём я провинился?*

АННА. *Ни в чём ты не провинился, Костя, успокойся. А тон? Тон обычный. Таким женщины говорят с мужчинами, для которых военные игры и патриотические лозунги дороже человеческих чувств. Впрочем, не здесь же мы будем выяснять отношения. Да и выяснять-то абсолютно нечего... Пойди лучше пригласи Варю. Она захотела танцев – вот пусть и танцует.*

Соколов резко разворачивается и отходит от Анны.

СЦЕНА 7. КВАРТИРА НАЧАЛЬНИКА БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ.

УСАЧЁВ укладывается на диван и открывает дневник АСТРОНОМА. Начинает медленно читать как бы про себя, но звучит голос ЛЕНИНА:

Необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров, расстреливать безпоощадно и повсеместно.

УСАЧЁВ (прерывает чтение). *Вот как! Серёзный мужчина! Он, небось, и Господа Бога пожелает расстрелять...*

(Крестится.)

Надо за ним приглядывать поостроже: кабы чего не натворил.

(Ещё раз крестится.)

СЦЕНА 8. ГОСТИНАЯ В КВАРТИРЕ ОТЦА ПЕТРА.

По гостиной кружатся пары разных возрастов. СОКОЛОВ подходит к ВАРВАРЕ, делает медленный поклон и обращается намеренно высокопарно, как на балу.

Гусары 1-го Сумского гусарского полка в повседневной форме.

СОКОЛОВ. *Позвольте, сударыня, иметь честь пригласить вас на вальс.*

ВАРВАРА (тоже несколько наигранно, делая реверанс). *С удовольствием.*

(Танцуют.)

Константин Владимирович, вы к нам надолго?

СОКОЛОВ. *Нет, день-два от силы. Я, собственно, заехал сюда только по просьбе брата вашего. Был у него в госпитале.*

ВАРВАРА. *Да, батюшка мне говорил. Мы жутко волновались: ни писем, ни известий. Теперь ясно. Слава Богу, жив.*

СОКОЛОВ. *Жив, но потрянуло его очень сильно. В разведке они наткнулись на немцев. Ну и началось... Глеб всё-таки смог почти целиком вывести свой взвод, но его самого просто изрешетило. Спасибо вестовому Игнату: полуживого до наших позиций дотащил. Теперь братец ваш потихонечку идёт на поправку. Ничего, полежит в госпитале и явится к вам георгиевским кавалером. Уже и представлние на него есть... А мне, понимаете, как-то всё везёт: креста два, а царатины ни одной. Как сказал поэт:*

*Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулю не тронутую грудь.*

Вы знаете такого – Гумилёва? Он – наш, гусар, хотя, говорили, сейчас в уланах.

ВАРВАРА. *Да, да, читала. Но, надо признаться, я больше Блока люблю. «Девушка пела в церковном хоре...»*

СОКОЛОВ. *Это красиво... Но как-то уж слишком мрачно и страшно в конце:*

*И только высоко, – у Царских Врат,
Причастный Тайнам, – плакал ребенок*

О том, что никто не придет назад.

Никто не придет назад... Не дай Бог, он окажется пророком... А у вас, кстати, тоже платье белое, как у той девушки. И кажется, что оно поёт под этот вальс.

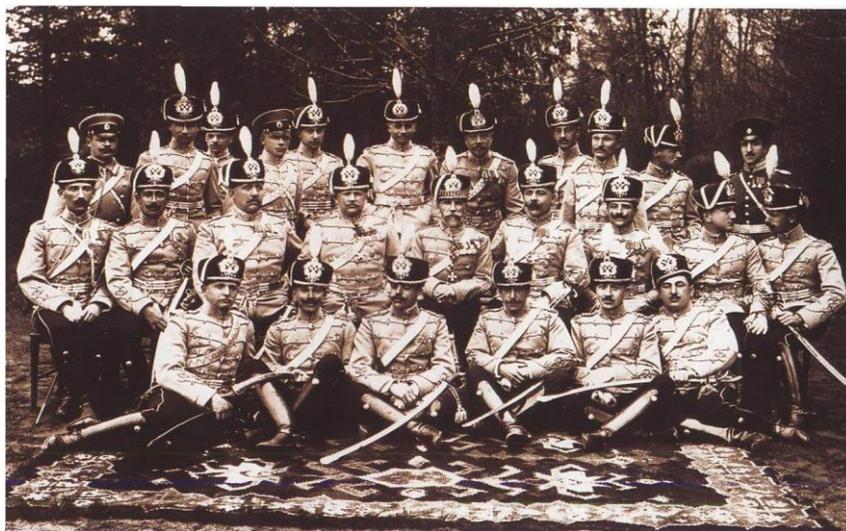
Наступает неловкое молчание.

ВАРВАРА. *А почему вы так ненадолго в первопрестольную?*

СОКОЛОВ. *Надо еще к матушке в Белгород заскочить, а там и в полк пора...*

ВАРВАРА. *Очень жалко, у нас тут весело будет – святки.*

СОКОЛОВ. *И мне жалко, Варвара Петровна, но что поделаешь – война. С весельем придётся повременить.*

Гусары 1-го Сумского гусарского полка в парадной форме.

Камера переносится на окно, за ним кружатся снежные вихри.

Постепенно музыку в комнате начинает заглушать нарастающий рев метели.

СЦЕНА 9. КВАРТИРА НАЧАЛЬНИКА БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ.

Через 2 месяца - начало марта 1917-го года.

Раннее утро. Продолжается тот же рёв метели, что и в предыдущей сцене. За окном кружатся те же снежные вихри. Только теперь это окно в квартире начальника тюрьмы УСАЧЁВА. С улицы доносятся звуки песни:

*Вихри враждебные веют над нами,
Тёмные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас ещё судьбы безвестные ждут.*

Поёт множество голосов стройно и грозно, как молитвенное песнопение. Усачёв стоит у окна, задумчиво смотрит в него. Открывает дневник Астронома, начинает читать как бы про себя, но звучит голос ЛЕНИНА:

Надо как можно скорее переходить и к военным действиям, начинать нападения! Не только право, но и прямая обязанность всякого революционера: убийство черносотенцев, шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, отнятие правительственных денежных средств.

Усачёв видит из окна, что к запертым воротам тюрьмы подъезжают три машины, в кузовах которых возставшие с развевающимися на ветру красными флагами. Со стены тюрьмы мрачно смотрят караульные. Машины громко и тревожно сигналият. Центральная машина трогается с места, разгоняется и, как таран, выбивает ворота тюрьмы. За ней в образовавшийся пролом устремляются и две другие машины. Караульные молча наблюдают, не оказывая сопротивления.

СЦЕНА 10. КАМЕРА И КОРИДОР БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ.

АСТРОНОМ быстро ходит по камере, заложив руки за спину. Гремят засовы, дверь распахивается, на пороге появляются возставшие. Астроном улыбается им своей змеиной улыбкой и выходит из камеры. Широко шагает по коридору впереди толпы. По ходу их движения одна за другой открываются двери камер. Из них выходят заключённые и присоединяются к возставшим. В конце коридора вдруг появляется растерянный унтер-офицер ЗВЕРЕВ. Он растопыривает руки в стороны, как бы пытаясь остановить идущих. Один из возставших пронзает его грудь штыком. Зверев падает, распластав руки.

Коридор Бутырского тюремного замка.

ГОЛОС ЛЕНИНА (за кадром). *Хорошо ли, что народ применяет насилие над угнетателями народа? Да, это очень хорошо. Это – высшее проявление народной борьбы за свободу.*

СЦЕНА 11. КВАРТИРА НАЧАЛЬНИКА БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ.

Бледный УСАЧЁВ застыл у окна, сжимая в руке дневник Астронома. Толпа возставших прикладами ломает дверь, они врываются в квартиру. Впереди идёт АСТРОНОМ.

АСТРОНОМ (приветливо). *Приветствую вас, господин начальник!*

УСАЧЁВ (в ужасе). *Убивайте, меня убивайте, только жену, Аврору, не трогайте! Христа ради!*

АСТРОНОМ. *Христа ради, говоришь? Гм-м-м... Аврору, говоришь? Не восход у вас теперь, а закат. Ты плохо читал, дядя.*

(Указывает на свой дневник, зажатый в руке Усачёва, и грубо вырывает тетрадку.)

Смотри, что тут написано.

(Читает.)

«Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров».
Понял, дядя?

Берёт у одного из возставших наган и стреляет в Усачёва, тот падает. В соседней комнате раздаётся душераздирающий женский вопль. Астроном заглядывает туда. В спальне стоит один из освобождённых арестантов – УЛУСОВ. В руке, на которой видна татуировка, он держит винтовку с окровавленным штыком. На кровати лежит АВРОРА в белой ночной сорочке, на груди – алая штыковая рана. На полу валяется книжечка, которую читала Аврора. Астроном поднимает книжку и декламирует:

*Бесследно всё сгинет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.*

Ну вот и встретила...

Резко поворачивается и уходит, унося свой дневник.

СЦЕНА 12. ДВОР БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ.

АСТРОНОМУ помогают взобраться на грузовик. Толпа возставших и арестантов, как наводнение, заполняет двор. Астроном бросает взгляд на свой дневник и начинает речь.

Двор Бутырского тюремного замка.

АСТРОНОМ. Победа революции неизбежна... Пришло время провозгласить новую Троицу – свобода, равенство, братство... Война не на жизнь, а на смерть! Наш путь – кровавое возстание!

Эхо от его слов разносится по тюремному двору. Толпа одобрительно гудит. Арестант УЛУСОВ сплёвывает под ноги и кричит мощным басом:

Кровавое – возстание!!!

СЦЕНА 13. КВАРТИРА ОТЦА ПЕТРА.

Через 8 месяцев – 26-е октября 1917-го года.

За утренней трапезой сидят ОТЕЦ ПЁТР, АННА, ФЁДОР, ВАРВАРА, ПАВЛИК и только что вернувшийся из госпиталя старший сын – поручик Сумского гусарского полка ГЛЕБ (23 года, в вицмундире с Георгиевским крестом, левая рука на перевязи).

За окном слышны беспорядочные выстрелы.

ПРОТОТИП ГЛЕБА АРХАНГЕЛЬСКОГО.

ФЁДОР (прислушивается). Кажется, где-то у Почтамта стреляют.

ОТЕЦ ПЁТР. Да, озорует народ. Война развращает... Говорят, в Петрограде что-то такое происходит.

ГЛЕБ. Да и у нас тревожно.

ОТЕЦ ПЁТР. Тревожно не тревожно, а мне всё одно надо ехать в Лихов переулок. Заседаний Собора нет сегодня, но на днях уж, дай Бог, решим с патриаршеством.

Противников-то его немного, но уж больно голосисты... Всё абсолютизмом пугают... Вот и надо потолковать кое с кем. Ведь великое дело творим для Церкви, для России нашей! Двести лет, двести лет у нас Патриарха не было!

ГЛЕБ. Батюшка, в субботу и потолкуете. К тому времени всё прояснится. А в Петрограде, кажется, дело серьезное... Как бы не новая война – гражданская. Мне за день до ранения мой Игнат листовку большевицкую принёс. Там так прямо и прописано: превратим войну империалистическую в войну гражданскую.

ОТЕЦ ПЁТР. Не ведают, что творят...

АННА (подаёт чай отцу). Да ведают они, батюшка, ведают. Они хотят, чтобы простой народ жил хорошо. Разве это не справедливо?

ОТЕЦ ПЁТР. Какой там народ! Кабинетные писаки, которые сидели по Франциям да Швейцариям. Где им знать наш народ?

АННА (убеждённо). Они служат народу.

ОТЕЦ ПЁТР. Какому народу? Ты в храме давно была? Вот там – народ. И ему служу я, а не они!

АННА. Вы, батюшка, служите Богу, а не народу.

(Утрированно важно.)

В Библии же сказано: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть».

ОТЕЦ ПЁТР. Господи, прости! И Библию вспомнила! Вот что значит без матери расти. Была бы жива моя Поля, ты бы так не говорила!

Слышны отдалённые выстрелы.

ГЛЕБ. *Успокойтесь, не хватало ещё в нашей семье гражданскую войну начинать. А вам, батюшка, лучше бы всё-таки дома остаться.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Нет-нет, надо ехать, надо. Владыке Нестору обещал. А ты, Глебчик, за младшими присмотри.*

ГЛЕБ. *Вот я-то как раз и не могу. Мне обязательно нужно заехать к Андрею Коваленке. А здесь, при штабе, останется Фёдор. Присмотрит за малыши мира сего.*

ПАВЛИК. *Я не малый мира сего! Я уже большой, хотя и не такой длинный, как вы.*

ВАРВАРА (обнимая Павлика). *Не обижайся, Глеб пошутил. Хотя я не прочь быть «малой мира сего». А ты, Павлик, будешь меня защищать. Да и Федя с нами останется.*

ФЁДОР. *Не, я тоже не могу. Сами на фронт не пускали, говорили: тебе надо учиться. Вот я и пойду учиться.*

ОТЕЦ ПЁТР. *Какие там занятия сейчас!*

ФЁДОР. *Занятия как занятия. Университетские. А с малыши Нюша останется. Женский глаз!*

АННА. *Сколько раз тебе говорила: не называй меня Нюшей.*

ФЁДОР. *Почему? Ты сама всё за народ ратуешь. А Нюша как раз самое народное имя.*

АННА. *Все заняты-перезаняты, одна я без дел. Ладно, послужу гувернанткой.*

Порывисто встаёт из-за стола и уходит к себе.

СЦЕНА 14. КОМНАТА ГЛЕБА.

ГЛЕБ надевает красные чакчиры, парадный мундир, подвешивает раненую руку, перед зеркалом разглаживает усы. Потом открывает дорожный чемодан, из-под белья вынимает два бельгийских браунинга. Один прячет в карман. Кричит, приоткрывая дверь.

Пистолет Браунинг образца 1900 года.

ГЛЕБ. *Фёдор, зайди ко мне.*

(Входит Фёдор.)

Значит, говоришь, учиться идёшь, тяга к знаниям одолела?

ФЁДОР. *Да, учиться... Да, тяга к знаниям...*

ГЛЕБ. *Ты это отцу рассказывай, а не мне. Если уж врёшь, то хотя бы ври с пользой, а не безтолку. На, возьми на всякий случай.*

(Протягивает ему браунинг.)

На улицах опасно. Вон, как грохотало. Стрелять-то не разучился?

ФЁДОР. *У такого учителя, как ты, не разучишься.*

ГЛЕБ. *Льстец маленький. Только не трогай пистолет без крайней нужды, не геройствуй.*

ФЁДОР. *Ни в коем разе, как говорит наш дворник.*

(Прячет браунинг в карман, обнимает Глеба).

Братик!

СЦЕНА 15. ПЕТРОГРАД. ШТАБ БОЛЬШЕВИКОВ. ЗАЛ СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ. Тот же день – 26-е октября 1917-го года.

Белоколонный Актовый зал. У торцовой стены на возвышении, предназначавшемся раньше для торжественных выпускных актов, стоит стол для президиума и справа от него – невысокая кафедра, принесенная из учебной аудитории. Вместо портрета Императора в огромной золоченой раме – лозунг «Вся власть Совѣтамъ!». Зал заставлен множеством стульев, длинных учебных столов со скамьями. Туда-сюда бегают люди, стучат телеграфные аппараты, звонят телефоны. Всё это заглушается звуками «Аппассионаты» Бетховена. Камера надвигается в угол зала, где стоит рояль. За ним сидит АСТРОНОМ во френче и отрешённо играет. ЛЕНИН, облокотившись о рояль, так же отрешённо слушает музыку. Мимо проходит ТРОЦКИЙ. Ленин хватает его за руку.

Председатель Петросовета
Лев Давидович ТРОЦКИЙ (Бронштейн) (1879 – 1940) .

ЛЕНИН. *Что там в Москве, Лев Давидович?*

Троцкий хочет ответить, но Ленин говорит сам, кивая на рояль.

ЛЕНИН. *Нечеловеческая музыка. Но часто слушать её не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей... Так как дела в Москве?*

ТРОЦКИЙ. *Хуже, чем вначале. Смидович медлит. Юнкера не дали вывезти винтовки из Арсенала, заняли Манеж, блокируют наш штаб в Моссовете. РВК просит о помощи.*

ЛЕНИН. *Сами прохлопали – теперь помощи просят! Хотели по головке гладить!*

(Звуки «Аппассионаты» нарастают. Камера показывает лицо Астронома: он усмехается).

А сегодня гладить по головке никого нельзя – руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно! Гм-м, – должность адски трудная... Сколько времени говорили: превратим войну империалистическую в гражданскую! А теперь, когда эта гражданская разгорается, начинаем миндальничать! Бить по головкам, бить безжалостно!

ТРОЦКИЙ. *Справимся, Владимир Ильич. Я туда эшелон солдат посылаю, да ещё крошадцев с мичманом Раскольниковым.*

ЛЕНИН. *Славная фамилия.*

ТРОЦКИЙ. *Самое интересное, что это не фамилия, а псевдоним.*

ЛЕНИН. *Тем паче! Человек, который взял такой псевдоним, непременно должен был научиться бить по головкам.*

Астроном играет громко и торжественно, с непроницаемым лицом. Ленин разворачивается к роялю. Троцкий берется за телефонную трубку.

СЦЕНА 16. МОСКВА. НЕМЕЦКАЯ УЛИЦА.

Тот же день – 26-е октября 1917-го года.

К большому доходному дому на углу Немецкой улицы и Посланникова переулка на извозчике подъезжает ГЛЕБ, в руках большой букет бледно-розовых хризантем.

Расплачивается с извозчиком, входит в подъезд, поднимается по лестнице, звонит в дверь, держа букет за спиной. Открывает Наталья, для своих – ТАЛОЧКА (19 лет), сестра Андрея Коваленки, приятеля Глеба.

ТАЛОЧКА (ошарашенно). *Глеб! Откуда ты здесь? Три года не писал двух слов! И грянул вдруг как с облаков. Ну проходи, проходи, гусар.*

ГЛЕБ (протягивая ей букет.). *Положим, Талочка, это Чацкий не писал три года, а я – всего лишь несколько месяцев.*

ТАЛОЧКА (прижимая букет к груди.). *Цветы? Мне? Откуда ты мог знать, что я в Москве?*

ГЛЕБ (становясь на одно колено). *Влюблённое сердце подсказало!*

ТАЛОЧКА (кладёт цветы на тумбочку). *До войны ты был оригинальнее, не говорил штампами и не фиглярничал.*

ГЛЕБ (вставая). *Это – не штамп, а повод высказать свои чувства.*

Из комнаты слышны громкие голоса спорящих офицеров.

ТАЛОЧКА. *Раздевайся быстрее, Глебчик, проходи.*

(Кивает на дверь в комнату.)

Там у Андрея уже целый полк собрался.

(Замечает перевязанную руку Глеба).

Что с рукой? Ты ранен? Серьёзно?

ГЛЕБ (высвобождает руку из повязки, снимает шинель и говорит с показной весёлостью). *Ерунда! Ты кстати Грибоедова вспомнила: я, как Молчалин, с лошади упал «и если б не к лицу, не надо перевязки».*

ТАЛОЧКА. *Перестань сочинять. Знаю я ваши «падения».*

(Берёт букет.)

Пойдём на кухню, цветы поставлю.

Идут на кухню.

Современный вид доходного дома на углу Посланникова переуллка и Немецкой улицы, в котором снимали квартиру ТАЛОЧКА и АНДРЕЙ КОВАЛЕНКО. Строительство дома было закончено прямо перед началом Великой войны, но его не успели оштукатурить. Так до сих пор и стоит голенький.

СЦЕНА 17. КУХНЯ В КВАРТИРЕ КОВАЛЕНКО.

ТАЛОЧКА достаёт вазу, ставит цветы.

ТАЛОЧКА. *Мне последний раз цветы дарили года полтора назад. Артиллерийский капитан, которого я выходила, притащил огромный букет орхидей. Потом австриячка явилась к начальнику госпиталя, жаловалась, что ободрали всю её оранжерею.*

ГЛЕБ. *Пользуешься успехом.*

ТАЛОЧКА. *Пользовалась...*

Распахивется дверь в кухню, и выходит АНДРЕЙ КОВАЛЕНКО (26 лет).

АНДРЕЙ. *Голос-то давно слышу, но не выходил специально: дал вам время помарьяжить.*

ТАЛОЧКА. *Андрей, прекрати свои казарменные шуточки и словечки.*

АНДРЕЙ. *Почему казарменные?*

(Глебу.)

Ну, здорово, корнет, здорово!

ГЛЕБ. *Поручик, с твоего позволения.*

АНДРЕЙ. *Ба! В каких мы чинах!*

(Смотрит на погоны.)

О трёх звездах! «Как на лучшем коньяке». Ну, давай обниматься.

(Обнимаются, Глеб отводит раненую руку. Андрей смотрит на букет.)

Талочке принёс?

(Расправляет цветы в вазе, рассматривает их.)

Красивые – цвёта бедра взволнованной нимфы... А наши солдатики говаривали: цвёта ляжки испуганной Машки.

ТАЛОЧКА. *Андрей, опять ты...*

Андрей подмигивает Талочке и ведёт Глеба в комнату.

СЦЕНА 18. КОМНАТА В КВАРТИРЕ КОВАЛЕНКО.

Большая комната. Накурено. На столе водка, стаканы, черный хлеб, вяленая рыба. несколько офицеров сидят за столом, ходят по комнате. Идёт оживлённый разговор. Входят АНДРЕЙ и ГЛЕБ.

АНДРЕЙ. *Вот, прошу любить и жаловать: кор... прошу прощенья, уже поручик Архангельский, сумской гусар. Ну, а этих господ представлять не буду – больно долго. Сам познакомишься. Давай, герой, выьем за встречу.*

Садятся за стол. Андрей разливает водку по стаканам.

Офицеры разговаривают друг с другом.

ГЛЕБ. *Откуда такая роскошь? Ведь сухой закон...*

АНДРЕЙ. *Ничего, Господь миловал. Наш дворник Ренат на казённом винном складе добывает. Тут рядом, в Лефортове.*

ГЛЕБ. *Государство подрываешь?*

АНДРЕЙ. *Оно само нас подрывает. Да и где оно, это государство? В нетях! Ну, давай за встречу.*

Чокаются, пьют, закусывают.

ГЛЕБ (вынимает бордовый платок и прикладывает к усам, закуривает). *Да, чёрт знает, что такое творится... У нас на Мясницкой солдаты Почтамт захватили. Андрей, надо что-то делать. Ведь в пропасть летим. Надо сопротивляться как-то. Что мы тут сидим, водку пьём?*

В разговор вклинивается один из офицеров – драгунский капитан.

ДРАГУНСКИЙ КАПИТАН. *А водка, поручик, и есть сейчас лучшее сопротивление – чтобы не видеть всей этой мерзости вокруг.*

К столу подходит другой офицер – полковник Поляков.

ПОЛКОВНИК ПОЛЯКОВ. *Кого нам защищать? Временное правительство? Видал я его власть в феврале, в Петрограде. С меня! боевого офицера Евгения Полякова, прошедшего две войны, эта вонючая власть погоны сорвать хотела! Дожили!*

С дальнего конца стола кричит пьяный ШТАБС-РОТМИСТР.

ШТАБС-РОТМИСТР. *Это хвалёное правительство на монархию насрало, армию засрало, войну просрало!*

(Наливает себе водку, пьёт залпом.)

А мы их – защищай!

АНДРЕЙ. *Тот, кто на фронте после февраля был, уже мало во что верит. Сейчас только мальчишкам, ничего не видавшим, позволительно героизировать. Вон у нас в Лефортове, слышал, юнкера и кадеты заявили, что не покинут корпусá и будут сражаться. Книжные фантазии! За кого сражаться?.. С кем сражаться?..*

ГЛЕБ. *В Лефортове?..*

(Поднимается со стула.)

Андрей, я выйду на минутку. Душно у вас тут...

Глеб уходит, офицеры продолжают пить и разговаривать.

СЦЕНА 19. КУХНЯ В КВАРТИРЕ КОВАЛЕНКО.

ТАЛОЧКА готовит закуску для гостей брата. Входит ГЛЕБ.

ТАЛОЧКА (кивая на комнату). *Там очень напильсь?*

ГЛЕБ. *Нет, пока не очень.*

ТАЛОЧКА. *Целыми днями так и сидят. На улицу глаз не кажут.*

ГЛЕБ. *Так и просидят Россию! Россия гибнет!*

ТАЛОЧКА (жёстко). *Брат считает, что достаточно повоевал за Россию.*

ГЛЕБ. *Брат? А ты?*

ТАЛОЧКА. *Что – я? Россия не гибнет, а погибла уже, нет её, прежней. Людей прежних нет. Те солдатики, которые на неё разве что не молились, теперь как будто куда-то сгнули... В один миг... Раньше они на нас как на ангелов смотрели: сестричка да сестричка. Вот был один, гренадер, очень тяжёлый, в живот ранен. Всё плакал, просил с ним посидеть, доченькой называл, письма за него писала. А после февраля – куда всё подевалось? Его как подменили: барынькой стал звать, да так противно, словно бляял, гадости всякие говорил, лапаты пытался исподтишка. И не он один, все, все так... Со мной тогда из госпиталя тридцать сестер ушло.*

(Показывает в сторону комнаты.)

И буду, буду я им закуски подносить, и пусть пьют до одури. Хватит, отвоевались...

Глеб прерывает монолог Талочки долгим поцелуем, затем прижимает её голову к груди, гладит по волосам.

ГЛЕБ. *Бедная моя, бедная маленькая Талочка.*

(Талочка плачет.)

Ну всё, всё...

За окном слышны выстрелы. Глеб прислушивается и отстраняется от Талочки.

ТАЛОЧКА *(вытирая фартуком слёзы). Куда ты?*

ГЛЕБ. *Хочу до Лефортова дойти. Андрей сказал, там что-то затевается.*

ТАЛОЧКА. *Глеб, а возьми меня с собой? Что-то я закисла здесь совсем. Душно!*

ГЛЕБ. *Нет, там может быть опасно и не место женщинам, даже таким храбрым, как ты.*

ТАЛОЧКА. *Ну Глеб, ну пожалуйста.*

ГЛЕБ. *Я сказал – нет.*

ТАЛОЧКА. *Да!*

Целует Глеба и обнимает его за шею.

ГЛЕБ. *Ох, и лиса же ты Патрикеевна...*

ТАЛОЧКА *(чмокая Глеба в нос). Спасибо, Глеб. Только быстренько переоденусь.*

ГЛЕБ. *Иди, иди, подожду. Ни одна женщина не переодевается быстро.*

ТАЛОЧКА. *Когда это ты стал в женщинах разбираться?*

Талочка смеётся и убегает.

СЦЕНА 20. МОСКВА. НЕМЕЦКАЯ УЛИЦА.

ГЛЕБ и ТАЛОЧКА медленно, прогуливаясь, бессознательно отдаляя цель своего пути, идут в Лефортово по Немецкой улице. Останавливаются у дома с вывеской (золотые буквы на чёрном фоне) «Зеленная лавка господина Крюге. Всегда свежие овощи и фрукты». В стеклянной витрине на ряды тугих капустных кочанов льется потоком вода. Мимо время от времени мелькают прохожие.

ТАЛОЧКА. *Я тебе уже признавалась, что люблю заглядывать в чужие окна?*

ГЛЕБ. *Много раз.*

ТАЛОЧКА. *Мог бы и притвориться, что услышал это только сейчас.*

ГЛЕБ. *Я услышал это только сейчас.*

ТАЛОЧКА. *Дурак!.. А расскажи, как ты меня увидел в первый раз?*

ГЛЕБ (усмехаясь) *Что-то не припомню.*

ТАЛОЧКА (обиженно). *Ну и пожалуйста, и не надо! Память у вас девичья, поручик Архангельский!*

ГЛЕБ. *Шучу. Разве забудешь! Дело было так: мой приятель Андрей Коваленко, по совместительству ваш, мадемуазель, брат, пригласил меня в своё имение среди брянских лесов. Душным июльским вечером мы прибыли к месту назначения.*

ТАЛОЧКА. *В прошлый раз было: «дождливым августовским утром».*

ГЛЕБ. *Влюбленные часов не наблюдают.*

ТАЛОЧКА. *Ты меня тогда даже и не знал, потому влюбленным никак быть не мог! Лгун!*

ГЛЕБ. *Я тебя знал всегда – ещё до твоего рождения. А когда увидел на пороге дома тонконогое, длинношеее, угловатое существо, не с глазами, а с распахнутыми глазищами, то сразу понял, что именно в это чудище в красном сарафане всегда и был влюблен. Существо повело меня в лес, показало свой шалаш, прыгало, высоко вскидывая тощие ноги, гонялось за воланом, как юная серна, срывало с куста землянику и размазывало сок по всей мордашке.*

ТАЛОЧКА. *В августе уже нет земляники. И я – не «оно».*

ГЛЕБ. *Земляники, может, и не было, а вот ты тогда ещё была «оно». Но пропал я сразу и безвозвратно.*

ТАЛОЧКА. *И когда же я превратилась в «она»?*

ГЛЕБ. *В подворотне Староконюшенного. Я тебя тогда поцеловал! И дотронулся до груди... О-о-ох!*

ТАЛОЧКА. *Хам!*

(Указывает на незашторенное окно.)

Смотри, обедают...

Из окна льется розоватый теплый свет. Чтобы не смущать людей, Глеб и Талочка останавливаются чуть сбоку. Талочка заглядывает внутрь. Над овальным столом низко висит лампа на бронзовых цепях под стеклянным абажуром. Из пузатой фарфоровой супницы мать семейства разливает по тарелкам суп. За столом сидят двойняшки – мальчик и девочка лет десяти. Рядом – подросток постарше в гимназической форме и отец семейства в домашней куртке, читающий газету.

ГЛЕБ. *Странно...*

ТАЛОЧКА. *Что странно?*

ГЛЕБ. *Странно то, что сегодня я счастлив. Счастлив, как никогда, даже больше, чем в той подворотне Староконюшенного. Счастлив, наперекор всему, что сейчас происходит вокруг. И знаю точно: эту супницу, и этот свет из-под матового колпака, и это окно я буду помнить всю жизнь, сколько мне осталось.*

Глеб и Талочка идут дальше.

**Революционные солдаты
на Елоховской у поворота на Немецкую улицу.**

ТАЛОЧКА. *Глебчик, и у нас с тобой будут супница, лампа, дети... Только не трое, а пятеро. Ты станешь ворчливым, угрюмым стариком, страдающим от былых ран.*

(Кокетливо улыбается.)

А я, разумеется, останусь такой же молоденькой, тоненькой и хорошенькой...

(Серьёзно и трогательно.)

Но всё равно буду тебя любить. И буду всегда видеть в тебе нынешнего гусарского поручика. Помнишь, в песне?

(Поёт.)

*Пригляделась, встрепенулася душой:
Это тот же прежний барин молодой,
Та же удадь, тот же блеск в его очах,
Только много седины в его усах.*

ГЛЕБ. *Хорошо в песне, да... Хотя что-то не припомню, госпожа Коваленко, когда я делал вам предложение.*

ТАЛОЧКА. *Так дерзайте же, господин поручик.*

ГЛЕБ (становясь на одно колено на булыжную мостовую). *Дорогая Наталья Васильевна, Наталия, Наташа, Талочка...*

Впереди раздаются выстрелы. На углу Денисовского переуллка появляются люди с пустыми носилками, быстро обгоняют Талочку и Глеба.

ГЛЕБ (на коленях, взглядом проводив носилки, продолжает). *Итак, Талочка, покорно прошу вас оказать мне такую...*

Мимо пронесится, громыхая, грузовик с солдатами.

ГЛЕБ (вставая). *Ладно, потом допредлагаю... В мирной обстановке.*

СЦЕНА 21. ПЕТРОГРАД. ЗДАНИЕ СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА. Тот же день.

По коридору быстро идёт ЛЕНИН, взяв под руку АСТРОНОМА. Проходят ряд дверей. На них над эмалированными табличками «Учительская», «Классь» прикреплены кнопками листы бумаги с написанными от руки названиями: «Большевистская фракция ВЦИК», «Исполнительный комитет Петроградского Совѣта», «Большевистская фракция Петроградского Совѣта», «Центральный совѣтъ фабзавкомовъ». Ленин и Астроном заходят в дверь, на которой прикреплена овальная табличка «Классная дама» и квадратный листок бумаги с написанными карандашом цифрами «67», рядом большой лист с надписью от руки «Председатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Владимиръ Ильичъ Ульяновъ (Ленинъ)». В комнате стоит маленький круглый столик, вокруг него два кресла в парусиновых чехлах, диван. Ленин указывает Астроному на одно из кресел, сам примащивается на другом.

Дверь кабинета Ленина в Смольном.

ЛЕНИН. *В Москве дела обстоят препаришиво... Занозой сидит эта первопрестольная! Здесь, в Питере, мы гидре головы поотрубаем и ещё поотрубаем... А там?*

(Вскакивает и быстро ходит по кабинету, заложив руки за спину).

При вас говорил с Троцким, но что-то толку нет. Где его хвалёные Раскольниковы? Поезжайте-ка вы, батенька, сами туда. Разберитесь на месте. Побыстрей и пожёстче! Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут.

(Астроном кивает головой и встаёт с кресла.)

В добрый путь, дорогой Астроном! И не миндальничайте там!

Ленин протягивает Астроному руку. Тот, молча, пожимает её и быстро выходит.

СЦЕНА 22. МОСКВА. НЕМЕЦКАЯ УЛИЦА. ФАНАГОРИЙСКИЕ КАЗАРМЫ.

ГЛЕБ и ТАЛОЧКА подходят к Фанагорийским казармам. Оттуда высыпают вооруженные СОЛДАТЫ Самокатного батальона, забираются в грузовики.

Фанагорийские казармы на Немецкой улице.

ГЛЕБ (Талочке). *Подожди здесь секундочку, ангел мой. Я только узнаю, что там творится.*

ТАЛОЧКА. *Я с тобой!*

Они входят в ворота. Перед дверями казарм стоят солдаты с винтовками на плечах, в папахах и в шинелях, на рукавах красные повязки. Лузгают семечки, сплевывая шелуху на тротуар. Глеб направляется к ним. Талочка останавливается в стороне.

ГЛЕБ. *Мне нужно видеть старшего.*

(Пытается пройти к двери.)

Разрешите пройти.

САМОКАТЧИК-ХОХОЛ. *Ты, дорогой человек, найди себе другой проход. А цей – наш.*

ГЛЕБ (резко). *Прошу разступиться!*

Делает ещё шаг вперед. Двое солдат срывают с плеча винтовки.

САМОКАТЧИК-ХОХОЛ. *Дывись-но, а в нёго аж дви головы!*

РЯБОЙ САМОКАТЧИК. *Наши дураки не глядят на кулаки.*

КУРНОСЫЙ САМОКАТЧИК. *А мы чё глядим? Разменять этого темляка-сопляка на мелочь – и весь сказ!*

(Весело подмигивает.)

Пуцай в штабу у Господа Бога послужить!

Глеб инстинктивно опускает руку в карман.

КУРНОСЫЙ (отступая назад). *Ты чё задумал, сукин кот? В стрелялки с нами играть?*

ГЛЕБ. *Я не шучу. Немедленно позовите командира, если таковой, конечно, у вас имеется.*

РЯБОЙ. *Ладно, кончай баламутить! Ишь, перья распушили.*

(Хохлу.)

Грицко, поди позови комитетчика.

Грицко разворачивается к дверям, но из них уже выходит большевик ВОЛКОВ – человек лет 30-ти в сером пиджаке, перетянутом солдатским ремнём, с красной повязкой на рукаве, маузером на боку, в очках и с бородкой.

Фанаторийские казармы на Немецкой улице. Виден Бюст Суворова.

ВОЛКОВ (поправляя очки). *Что происходит?*

РЯБОЙ. *Да вот, их благородие желают тут свои порядки устанавливать.*

ВОЛКОВ. *Я – уполномоченный ВРК Волков. Что вам угодно?*

ГЛЕБ. *А что такое – ВРК?*

ВОЛКОВ. *ВРК – Военно-революционный комитет, который взял власть в Москве в свои руки. У нас Почтамт, телефонная станция и Кремль, в конце концов!*

Курносый со свистом сплевывает семечную шелуху.

ГЛЕБ. *Большевики?*

ВОЛКОВ. *Возставшие рабочие и солдаты – народ. И большевики, которые выражают его волю. Так что, поручик, либо присоединяйтесь к нам, либо идите своей дорогой, пока мы это вам позволяем.*

ГЛЕБ. *К сожалению, дорога одна...*

(Поворачивается, идёт прочь.)

И останется на ней кто-то один из нас...

Глеб подходит к Талочке, и они направляются к воротам. Грицко вслед им оглушительно свистит в два пальца, курносый вскидывает винтовку и кричит: пу-пу-пу.

СЦЕНА 23. ЛЕФОРТОВО.

ГЛЕБ и ТАЛОЧКА подходят к кадетским корпусам.

1-й и 2-й Московские кадетские корпуса

ТАЛОЧКА. *Я никогда не бывала в Головинском парке.*

ГЛЕБ (усмехаясь). *И не могла бывать. Вас, женщины, туда, увы, не пускали. Чтобы вы нас, кадетов, не соблазняли.*

Кадеты строят баррикады, перегораживают улицы. Глеб обращается к одному из них.

ГЛЕБ. *Бог помочь!*

КАДЕТ (вытягиваясь и отдавая честь). *Кадет Ревский-Кочетов. Здравия желаю, господин поручик.*

ГЛЕБ (козыряя). *Кто у вас за старшего? Могу я его видеть?*

РЕВСКИЙ-КОЧЕТОВ. *Леонид Осич пошёл выставлять заставы и часовых в сторону парка. Давайте я провожу вас.*

ГЛЕБ. *Сделайте милость. Зовут-то вас как?*

РЕВСКИЙ-КОЧЕТОВ. *Алексей.*

ГЛЕБ (Талочке). *А ты горевала, что никогда в Кадетском парке не была. Вот нас Алексей на экскурсию и сводит. Теперь можно.*

ТАЛОЧКА. *Можно – что? Соблазнять?*

Смеются, идут вслед за кадетом.

СЦЕНА 24. ЛЕФОРТОВО. ГОЛОВИНСКИЙ ПАРК.

РЕВСКИЙ-КОЧЕТОВ, ГЛЕБ и ТАЛОЧКА обходят здание корпуса. За ним, на прудах кадеты таскают брёвна, камни, сооружают импровизированные бóйницы, перегораживают проходы между прудами. На берегу разведены несколько больших костров. Вокруг них греются сменившиеся кадеты.

Задний фасад кадетских корпусов. Приблизительно здесь ГЛЕБ и ТАЛОЧКА встретились с ПОЛКОВНИКОМ ЛИХАЧЁВЫМ

На протяжении сцены фоном звучит песня кадетов:

*Фуражка милая, не рвися –
С тобою жизнь моя прошла.
С тобою бурно пронеслися (2 раза)
Мои кадетские года (2 раза)
Бывало, выйдешь на прогулку –
Все дамы смотрят на тебя.
И шепчут, шепчут потихоньку:
“Какое милое дитя”.
Бывало, ни один квартальный
Не смеет пикнуть над тобой.
А если пикнет – вертикально
Летит в канаву головой.
Прощайте, черные шинели,
Погоны алого сукна.
Ура! Мы больше не кадеты,
А молодые юнкера.
Ура! Ура!*

Руководит работами ПОЛКОВНИК ЛИХАЧЁВ (высокий мужчина лет тридцати пяти). Глеб подходит к нему, отдает честь. Кадет Ревский-Кочетов в это время уходит. Талочка остаётся поодаль, у дерева

ГЛЕБ. *Разрешите обратиться, господин полковник. 1-го Сумского гусарского полка поручик Архангельский.*

ЛИХАЧЁВ (отдает честь). *Полковник Лихачёв. Чем могу служить вам, гусар?*

ГЛЕБ. *Узнал, что вы намерены сопротивляться большевикам. Хочу предложить свои услуги. Я – боевой офицер. Надеюсь, смогу быть полезным.*

ЛИХАЧЁВ. *По ранению здесь?*

(Кивает на руку Глеба.)

Я тоже был ранен... Под Барановичами. Так и застрял в Москве... А за предложение ваше благодарю, поручик, благодарю. Редко сейчас такое встретишь. В штабе говорили, что в Москве сейчас 55 000 офицеров. И где они? Ну ладно, тяжелораненые... А остальные? Представляете, какой кулак можно было создать! А тут – никого. Одни мальчишки. Геройские мальчишки. Но – мальчишки...

К Лихачёву подбегает запыхавшийся кадет Ревский-Кочетов.

Первые здания «Мастяжарта» в Лефортово. 1916 г

pastvu.com/33592 uploaded by n.sy4ev

Мастерские тяжёлой артиллерии (МАСТЯЖАРТ) на Ладужской улице.

РЕВСКИЙ-КОЧЕТОВ. *Господин полковник, разрешите обратиться.*

ЛИХАЧЁВ. *Слушаю вас.*

РЕВСКИЙ-КОЧЕТОВ. *Прибыл нарочный из артиллерийских мастерских! Там наших всего взвод. А вокруг уже толпы с красными повязками собираются и солдаты. Кадеты просят послать хотя бы ещё один взвод.*

ЛИХАЧЁВ. *Нет, здесь наш взвод не поможет. Бегите-ка к алексеевцам, скажите, что я прошу выставить роту юнкеров к артиллерийским мастерским. Ведь эти красные архаровцы захватят пушки! Выполняйте, кадет.*

РЕВСКИЙ-КОЧЕТОВ. *Слушаюсь, господин полковник.*

Ревский-Кочетов убегает. Лихачёв обращается к Глебу.

ЛИХАЧЁВ. *Эти мастерские тяжёлой артиллерии – моя головная боль и вместе с тем надежда. Рабочие там все разогитированы большевиками. Мы их кое-как вытеснили, но они вернуться. Обязательно вернуться, когда поймут, что это – ключевой пункт. Там сотни орудий. Но что с ними делать? Кто их знает, какие исправные, а какие – нет? Я – пехотный офицер, а не пушкарь, в сих механизмах не разбираюсь. Мальчишки – тем более.*

Связывался с полковником Рябцевым из штаба: просил прислать артиллеристов и тягачи. А он – как в рот воды набрал, сукин сын...

(Замечает Талочку, поворачивается к ней. Вдалеке раздаётся орудийный залп. Все вздрагивают. Только Лихачёв остаётся невозмутимым. Подходит к Талочке.)

Простите великодушно, сударыня, вырвалось ругательство, не взыщите... А ваш кавалер нас так и не представил.

(Прикладывает руку к фуражке.)

Леонид Лихачёв. Позвольте в знак извинения поцеловать вашу ручку.

(Глебу.)

Разрешите, поручик?

Глеб смущённо кивает. Талочка, улыбаясь, протягивает руку, Лихачёв целует.

ТАЛОЧКА. *Наталья Коваленко. Не сетуйте на себя, полковник, я в госпиталях ещё и не такого понаслушалась.*

ЛИХАЧЁВ. *И вы на фронте побывали? Времена... Мальчики да барышни воюют...*

(Глебу.)

Вот что, поручик, один вы здесь погоды не сделаете, да ещё с больной рукой... А вот помочь сможете, если артиллеристов и тягачи достанете. Тогда бы мы здесь всё перекрыли и держались бы до второго пришествия. А с ружьишками, что тут сделаешь...

Постарайтесь, голубчик, идите к этому Рябцеву, к чёрту лысому...

(Виновато оглядывается на Талочку.)

Опять я...

ТАЛОЧКА. *Храни вас Господь, полковник.*

ЛИХАЧЁВ (козыряет). *Честь имею.*

**Владимир Фёдорович
РАРА**

**Леонид Николаевич
ТРЕСКИН**

**Михаил Антонович
ЖЕБРАК**

Сюжетная линия **ПОЛКОВНИКА ЛИХАЧЁВА** составилась из эпизодов биографий нескольких реальных офицеров-белогвардейцев. В сцене в Головинском парке Лихачёву приданы черты **ПОЛКОВНИКА РАРА** (1880 – 1919), заместителя начальника 1-го Московского кадетского корпуса, который действительно руководил его защитой в октябре 1917-го года. В 31-й сцене 2-й серии в электротeatре «Унион» Лихачёв играет приблизительно ту роль, которую играл в организации обороны Арбата и Никитских ворот **ПОЛКОВНИК ТРЕСКИН** (1885 – 1957). Лихачёв опять появляется в 4-й серии (сцены 4 и 6), отправляя СОКОЛОВА и ГЛЕБА в Тобольск. На самом деле, имя настоящего военного руководителя заговора по освобождению Государя из Тобольска неизвестно, мемуаристы называют его «полковник Н.». В сценах 20, 22, 24 пятой серии (бал в Новочеркасске) Лихачёв – это **ПОЛКОВНИК ЖЕБРАК** (1875 – 1918), ближайший соратник Дроздовского. Смерть Лихачёва (сцены 10, 14, 18 шестой серии) во многом воспроизводит гибель Жебрака у села Белая Глина.

СЦЕНА 25. НЕМЕЦКАЯ УЛИЦА. Вечер того же дня.

Вечер. ГЛЕБ провожает ТАЛОЧКУ до дома. Слышен колокольный звон, который время от времени как бы рассекают громкие ружейные выстрелы.

ГЛЕБ (обводя рукой вокруг себя). *Если всё это переложить на музыку, мне кажется, отличная симфония получилась бы. Патетическая: «Москва. Октябрь 17-го». Жаль, Чайковский умер. Так на чём мы остановились?*

ТАЛОЧКА. *Кажется, ты начал предлагать мне руку и сердце. А потом это дело как-то замяли.*

ГЛЕБ. *Почему замяли? Пожалуйста, принимайте, госпожа Коваленко, и руку, и сердце, а также печёнку, селезёнку, две почки, ногу левую, ногу правую. В общем, поручика Глеба Архангельского в полном комплекте и боевой готовности.*

ТАЛОЧКА. *Готовности к чему?*

(Глеб разводит руками.)

Всё, поручик, ёрничаешь...

(Они доходят до дома, где живут Коваленки.)

Вот и наш подъезд. Ладно, иди, жених, Россию спасать. А я побегу. Андрей, наверное, волнуется, заждался совсем. Он хоть и пьёт с офицерами сутками, но чувствует себя в ответе за сестру, как старший брат.

(Глеб стоит в нерешительности.)

Иди же, тебе еще артиллеристов собирать, тягачи доставать, нельзя полковника подвести.

Глеб крепко обнимает Талочку и быстро уходит.

СЦЕНА 26. МОСКВА. НЕМЕЦКАЯ УЛИЦА

ТАЛОЧКА какое-то время стоит на улице, смотрит вслед уходящему Глебу. Потом входит в освящённый подъезд, закрывает за собой дверь и начинает подниматься по лестнице. Вдруг дверь снова распаивается, резко и шумно. В ней вырисовывается огромная тёмная фигура. Талочка вздрагивает, роняет перчатки. Потом слегка нагибается и, не отрывая взгляда от фигуры, механически шарит рукой по ступенькам, пытаясь отыскать перчатки. Фигура делает несколько шагов вперёд и на свету оказывается СОЛДАТОМ-ГРЕНАДЕРОМ. На нём потерявшая свою форму папаха, грязная шинель, винтовка на плече. Землистого цвета лицо в оспинах заросло чёрной щетиной, исподлобья шало смотрят мутные глаза пьяного человека.

ГРЕНАДЕР (хриплым голосом). *Чего глядишь, сука? Не видала такого? Заголяйся, блядина барская, подстилка офицерская! Теперь под меня подставишься!*

Талочка, наконец, находит перчатки, зажимает их в руке, распрямляется в струнку и стоит неподвижно, смотря прямо перед собой, как бы сквозь солдата. Гренадер, продвигаясь вперёд, стягивает с плеча винтовку.

ГРЕНАДЕР. *Заголяйся, говорю, гнида! Слышь ты? В прежни времена, бывалыча, наши дед ы да папани на вас, сук, ишачили, кормили вас, уродов, поили, жопы подтирала. А теперь вот мы вами попользуемся! Угодишь мне – живой оставлю. А нет – твоя воля.*

Гренадер делает ещё несколько шагов к Талочке и направляет винтовку.

СЦЕНА 27. ПЛОЩАДЬ РАЗГУЛЯЙ.

ГЛЕБ по Доброслободскому переулку выходит к Разгуляю. Впереди идёт ГОСПОДИН с тросточкой, под руку с ним расфуфыренная ДАМОЧКА. Когда они приближаются к огромному трёхэтажному особняку, господин кивает в его сторону и обращается к дамочке (Глеб слышит).

ГОСПОДИН. *Это вот дом колдуна Брюса.*

Площадь Разгуляй. Дворец Мусина-Пушкина – «дом колдуна Брюса».

ДАМОЧКА (хихикает). *Какого ещё колдуна?*

ГОСПОДИН. *При Петре жил, чернокнижник.*

(Указывает тросточкой.)

Это вот его гроб. Говорят, когда Брюса похоронили, гроб сюда прилетел с Немецкого кладбища и впечатался в стену.

Камера показывает фасад особняка: с левой стороны на уровне второго этажа видна доска-трапеция, действительно напоминающая гроб.

ДАМОЧКА. *Ой! Какие вы страсти рассказываете!*

(Смотрит на особняк.)

Глядите, глядите, гроб краснеет!

ГОСПОДИН. *Правда, краснеет... Это, говорят, всегда бывает перед большими несчастьями... Что-то случится... Ну пойдём, прелестница, а то ты озябнешь.*

Они идут вперёд. Глеб, слышавший разговор, вздрагивает, останавливается и бежит назад.

Слева на 2-м этаже
виден «гроб Брюса».

Современный вид «гроба Брюса».

СЦЕНА 28. НЕМЕЦКАЯ УЛИЦА

В подъезде ГРЕНАДЕР с винтовкой в руке приближается к ТАЛОЧКЕ. Та по-прежнему неподвижна, но теперь она смотрит солдату прямо в глаза, задумчиво и почему-то жалостливо. Взгляд солдата тоже меняется: яснее, уходит пьяная шальная муть, в глазах появляется удивление и растерянность. Встреча взглядов длится несколько секунд. Наконец гренадер опускает голову, делает, пятась, несколько шагов назад. Потом снова поднимает голову и обращается к Талочке.

ГРЕНАДЕР. *Сестричка... Эх, надо ж...*

(Разворачивается, направляется к выходу;
распахнув дверь, снова поворачивает голову к Талочке.)

Доченька...

Гренадер выходит, оглушительно хлопая дверью. Талочка медленно опускается на лестницу. Сидит, прислонившись спиной к стене, расставив ноги; похожа на сломанную куклу. Она в полуобморочном состоянии, глаза полуприкрыты.

СЦЕНА 29. НЕМЕЦКАЯ УЛИЦА.

ГЛЕБ врывается в подъезд, кидается к ТАЛОЧКЕ.

ГЛЕБ. *Талочка! Жива? Жива?*

(Талочка приоткрывает глаза.)

Слава Богу! Что случилось?

ТАЛОЧКА (тихо и медленно). *До-чень-ка...*

ГЛЕБ. *Какая доченька? Ты бредишь?*

ТАЛОЧКА. *Нет, Глебчик, нет, это не бред... Ты-то как здесь оказался?*

ГЛЕБ. *Гроб...*

ТАЛОЧКА (пытаясь улыбнуться). *Теперь ты бредишь?.. Глебчик, Глеб...*

ГЛЕБ. *Я здесь, с тобой!*

ТАЛОЧКА (пытаясь встать). *Помоги встать, до квартиры я сама доберусь. А ты иди, иди.*

ГЛЕБ. *Ну нет. Я уже один раз тебя послушался!*

(Берёт Талочку на руки, несёт по лестнице.)

И до квартиры донесу, и спать уложу, и пока не уснёшь – придется меня терпеть. Поняла?

ТАЛОЧКА (слабо улыбаясь). *Девичья спальня... Мужчине неприлично...*

ГЛЕБ. *Тем более заманчиво.*

КОНЕЦ ПЕРВОЙ СЕРИИ

Мы обращаемся ко всем с просьбой о финансовой помощи в создании сериала «Белая трагедия», для чего приводим реквизиты нашей кинокомпании.

**ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ
"КИНОКОМПАНИЯ ВЫБОР"**

ОГРН – 5167746483284 от 22.12.2016

ИНН - 9729047363

КПП - 772901001

Per.№ ПФР – 087804001294

Per.№ ФСС – 772108549777211

ОКВЭД - 59.11, 18.11, 18.12, 18.13, 18.14, 58.11, 58.12, 58.13, 58.14, 58.19, 59.12, 59.13, 59.14, 60.10, 60.20, 63.91, 73.11, 73.12, 93.29.

ОКТМО - 45323000

ОКАТО - 45268579000

ОКПО – 06115247

ОКОГУ – 4210014

ОКДП – 9211

Счёт 40702810338000138078 в Московский банк ПАО Сбербанк №9038/01701 БИК 044525225 к/с 30101810400000000225

р/с 30301810800006003800 КПП 773643001 ИНН 7707083893

Генеральный директор - Аксючиц Виктор Владимирович. aksyu1@yandex.ru